

Александр Блок

К 100-летию

со дня рождения

В год, когда наша страна отмечала 600-летие Куликовской битвы, положившей начало освобождению от многовекового ордынского ига, с особой глубиной воспринимаются пророческие строки поэта из его поэтического цикла «На поле Куликовом»:

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль.

Стремительное движение русской истории у многих писателей ассоциировалось с неукротимым конским бегом, с «птицей-тройкой»; образ, найденный Блоком, продолжает традицию — и в то же время вносит новое содержание: предпочтении той смертельной битвы, в результате которой трудовой народ сбросит иго самодержавно-помещичьего строя и обретет свободу политическую.

Но точно так же и все творчество Блока — это завершение поисков и достижений литературы минувшего столетия и новое слово, новая страница в литературе века двадцатого. «Творчество Александра Блока — целая поэтическая эпоха, — писал Маяковский, — он оказал огромное влияние на современную поэзию». Это одна из вершин русского искусства, наша гордость, наше национальное достояние. Мы по справедливости считаем Блока классиком русской литературы.

Вместе с тем не следует упрощать идейный облик поэта: Жизнь Блока, его творческий путь были сложными и далеко не прямыми. Он начинал свою деятельность в среде буржуазной литературы как поэт-символист; и в то же время чувствовал себя в этом окружении чужим. Он выступал как теоретик символизма в поэзии, но своим творчеством нередко опровергал собственные теоретические высказывания. В его ранних стихах мы найдем много субъективного, далекого от реальной жизни. — и наряду с этим он подвергал осмеянию мистику, распыленность, уход от действительности, столь характерные для декадентской поэзии его времени. Но так и должно было быть, потому что поэт шел своими путями, постоянно находился в поиске; его талант, его творчество были намного шире, чем бы то ни было «цеховых» рамок, намного глубже предвзятой мысли групповых литературных течений.

Общий эмоциональный тон поэзии Блока невеселый, даже сумрачный, однако было бы неправильным объяснять его причины лишь обстоятельствами интимной жизни поэта, действительно, сложившейся неудачно, его личной драмой во взаимоотношениях с близкими. Здесь все намного сложнее и значительнее; Блоку было свойственно острее отношение к окружающей его действительности, ее неприятие. Он постоянно размышляет о противоречиях жизни, он отчетливо видит ее несправедливое устройство, и, хотя далеко не всегда умеет во всем этом разобраться, его стихи постоянно одержимы чувством бесконечной тревоги, боли за человека, резко отрицательным отношением к паразитирующим классам.

Если многие стихотворения Блока, особенно раннего периода, глубоко интимны, предельно зашифрованы сложными ассоциациями, трудно доступны для неискущенного читателя, то в целом ряде других в полной мере ощущается пульс времени, в них властно вторгается живая жизнь, пусть даже по-своему, по-блоковский осмысленная и изображенная.

Уже в самом начале творческого пути рядом со стихами о Прекрасной Даме, рядом со «Снежными масками», со всем этим условно-иносказательным миром, мы видим вполне реалистическую тему города, олицетворяющего собой подавление и угнетение личности: для Блока — это город-спрут. «пузатый паук», «черный ад», это он сосет из людей сок, «медным голосом зовет согнуть измученные спины вину собравшийся народ», и радуется, «что этих нищих провели», обманули и забавляли «Сытые» — так ведь называется одно из самых ярких его стихотворений. Ему отвратителен этот мир сытых, лавочников, мир, где можно «грешить бесстыдно, беспробудно», «пса голодного от двери ногою отпихнуть» — и спокойно «под лампадкой иконы пить чай, отщелкивая счет» тому, что настал за день... Не случайно, как вспоминает Н. Чуковский, «самое ругательное слово в лексиконе Блока было слово «буржуа».

Подъем освободительного движения всколыхнул Блока. Он приветствует «барку жизни», наконец-то стронувшуюся с мели... Он с торжеством и презрением пишет о переполохе в лагере «Сытых»:

Так — негодует все, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнанный хлев!

В годы империалистической войны Блок чутко и остро ощущает назревающий общий кризис; не всегда достаточно разбираясь в политическом смысле происходящих событий, он чутчею большого художника все больше утверждался в мысли о неизбежности возмездия правящим классам, в «революционном предчувствии», как говорил он сам.

Февральская революция поначалу и показалась Блоку этим самым Возмездием. Поэт охотно принимает участие в работе Чрезвычайной следственной комиссии по делам бывших царских министров. Он «совершенно погружен в новую деятельность», отдает ей все свои силы и время. Материалы следствия открыли ему такую бездну мерзости, в которой погряз старый режим, что он восклицает: «Это все — гигантская лаборатория самодержавия, ушатый помоев, нечистот, всякой грязи, колоссальная помойка» (письмо к матери, апрель 1917 года).

Вместе с тем он понимает, что «события еще далеко не развернулись». Главное событие — большевистский Октябрь — было впереди...

Следует напомнить, что далеко не вся русская, даже прогрессивная интеллигенция сразу же определила свое отношение к пролетарской революции, к Советской власти. Здесь было много оттенков — от «поживем — увидим» до злобного неприятия и эмиграции. К чести Блока, вопроса «принимать или не принимать» революцию у него, как и у Маяковского, не было. Он с упоением «слушал революцию», и это были не просто красивые слова — уже в феврале 1918 года из-под пера Блока на едином дыхании вылилась поэ-

ма «Двенадцать» — одно из самых первых и одно из самых сильных поэтических произведений о революции. Резонанс поэма вызвала громкий: литераторы, не принявшие Советскую власть, в том числе и некоторые бывшие приятели Блока, упрекали поэта в каком-то «отступничестве», чуть ли не «измене»... Измене чему? Блок отвечал: «Нас разделил не только 1917 год, но даже и 1905-й, когда я мало еще видел и мало сознавал в жизни...», и, говоря об «узлах взаимоотношений», решительно подводил итог: «Великий Октябрь их и разрубил». В ответ на кликушество: «Россия гибнет», он писал в статье «Интеллигенция и революция»: «Мир и братство народов — вот знак, под которым проходит русская революция» — и призывал внутреннюю эмиграцию пересмотреть свои позиции.

В лучших своих произведениях Блок сумел подняться до уровня высокого искусства. Его лирика глубоко человечна, она обладает высокой гражданственностью. Это постоянная исповедь человека, ощущающего свое слияние с родиной и тревогу за ее будущее — и в этом есть нечто общее, сближающее его с творчеством другого великого поэта — Лермонтова, с его постоянными раздумьями о судьбах своей отчизны:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —

Как слезы первые любви.

В августе 1946 года, когда исполнилось 25 лет со дня кончины Блока, поэт Н. Тихонов писал в газете «Правда»: «Александр Блок по силе своего песенного голоса, по глубине его, по искренности, по охвату тем, по огромности своего поэтического характера, по связи его с исторической жизнью нашей Родины является несомненно великим русским поэтом». К этому трудно что-либо добавить.

Отмечая столетие со дня рождения Блока, мы с удовольствием думаем о том, что биография поэта связана и с нашим пензенским краем, со славной фамилией Бекетовых, из среды которых вышла целая плеяда известных русских ученых и литераторов. Дед Блока по материнской линии Андрей Николаевич Бекетов — знаменитый ботаник, его брат Николай Бекетов — ученый-химик, другой брат, Алексей Бекетов, в пензенском имении которого Блок бывал в детские годы, — крупный военный инженер. Бабушка и мать поэта, его тетки из рода Бекетовых были в свое время известными переводчицами и авторами стихов и рассказов для юношества.

Нам приятно сознавать, что пензенская земля, давшая миру немало выдающихся деятелей культуры, причастна и к биографии замечательного русского поэта — Александра Александровича Блока.

К. ВИШНЕВСКИЙ,
доктор филологических наук, профессор кафедры советской литературы педагогического института имени В. Г. Белинского,
Пенза.

